

АКАДЕМИК С.Ф.ПЛАТОНОВ

**ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ
ПУШКИНСКОГО
УГОЛКА**

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1927

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ
ВУДКИНСКОГО УГОЛКА

АКАДЕМИК С. Ф. ПЛАТОНОВ

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПУШКИНСКОГО УГОЛКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАНИЕ АВТОРА
ЛЕНИНГРАД 1927

Обложка работы
М. А. Кирнэрского

Ленинградский Гублит № 40596.
Тираж 1.100 экз.
2-я тип. Транспечати ИКИС им. т. Муханова. Ул. Правды, 15.

Люди склонны отмечать и почитать те места, которые связаны с крупными событиями или великими достижениями в жизни человечества.

К числу таких памятных мест принадлежит и «Пушкинский уголок», которому посвящен наш настоящий очерк. Усадьбы Пушкинского угла, Михайловское и Тригорское, играли большую роль в личной жизни и творческой деятельности Пушкина; в них были задуманы, писаны и читаны друзьям «Деревня», «Борис Годунов» и (отчасти) «Евгений Онегин»; «Я помню чудное мгновенье» (к А. П. Керн), «Роняет лес багряный свой убор» (19 октября 1825 г.). В Михайловском были окончены «Цыгане», написан «Граф Нулин» и, повидимому, начат «Моцарт и Сальери». Наконец, в позднейшие годы (1835) в Михайловском же была написана знаменитая элегия «Опять на родине» («Вновь я посетил»). Достаточно этого перечня, чтобы понять теплые чувства, какие вызывал в душе Пушкина «тот уголок земли, где он провел отшельником два года незаметных» и где теперь

находится его могила. Наравне с другими памятными местами нашей страны Пушкинский уголок есть предмет постоянного народного внимания. Он достоин иметь свою историю.

Низовье неширокой реки Сороти, впадающей в реку Великую; холмистые берега этой неширокой реки с пажитями и рощами; небольшие озера вблизи Сороти, иногда соединенные с нею протоками; пост Вороноч на «городище» древнего, ныне исчезнувшего города; остатки двух-трех поместичьих усадеб (Михайловского, Тригорского, Савкина); упраздненный Святогорский монастырь с могилой Пушкина у древней церкви «на Синичьей горе»—вот что составляет теперь «Пушкинский уголок» на пространстве всего 20—25 квадратных километров.

Во времена Пушкина как сам поэт, так и все его близкие почитали эту местность — Новоржевский и Опочецкий уезды Ижевской губернии—глухою провинцией. Известен стихотворный отзыв Пушкина о Новоржеве, хуже которого нет на свете «городника». Этот отзыв поэт повторил и в беседе с А. О. Смирновой: «Некрасивых пейзажей нет... Некрасивыми могут быть только города, и хуже всех их Новоржев, ближайший город к Михайловскому»¹⁾.

1) На следит, впрочем, оговориться, что эти отзывы Пушкина—и стихотворный и прозаический—некоторыми исследователями признаются за «анекдоты». (Сочинения Пушкина в издании Везнерова, 1907, т. I, стр. 432).

Река Сороть

В 1825 году, обращаясь к своим лицейским товарищам, Пушкин писал им, что находится «в забытой сей глупши, в обители пустынных выног и хлада». Несколько позднее, вспоминая свою юношество, он повторил то же выражение «глупши» о своем Михайловском:

Одна в глупши лесов сосновых
Давно, давно ты ждень меня...

Как и всякая глупши, Пушкинские места представлялись их обитателям и владельцам «мирной, спокойной и вольной обителью». В грациозном обращении к «домовому» (1819) поэт называет его

«Номестыя мирного незримый покровитель»
и просит «доброго домового» охранить свою «обитель» (дом), селенье, лес, поля и сад не от бедствий войны, не от вражеских нашествий, а всего только от непогоды, неурожая и воров. В послании к В. В. Энгельгардту (1819) противополагаются столичной суете мирные прелести Михайловского

... холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

Тогда же (1819) Пушкин пишет А. Ф. Орлову о своем намерении скрыться от столичного шума

... с тайною свободой,
С девинцей, негой и природой,
Под сенью ледовских лесов
Над озером в спокойной хате,

И в возднейшие годы поэт сохранил то же представление о спокойном блаженстве в захолустыи Нековского края, где, по его словам,
... дни мои текли в глупши
Неполнены страстей и лести
И снов задумчивых думы.

Эти слова—из финала 6-й главы «Евгения Онегина»—были занесены Пушкиным под 2 октября 1835 года в альбоме В. Н. Вревской ¹⁾.

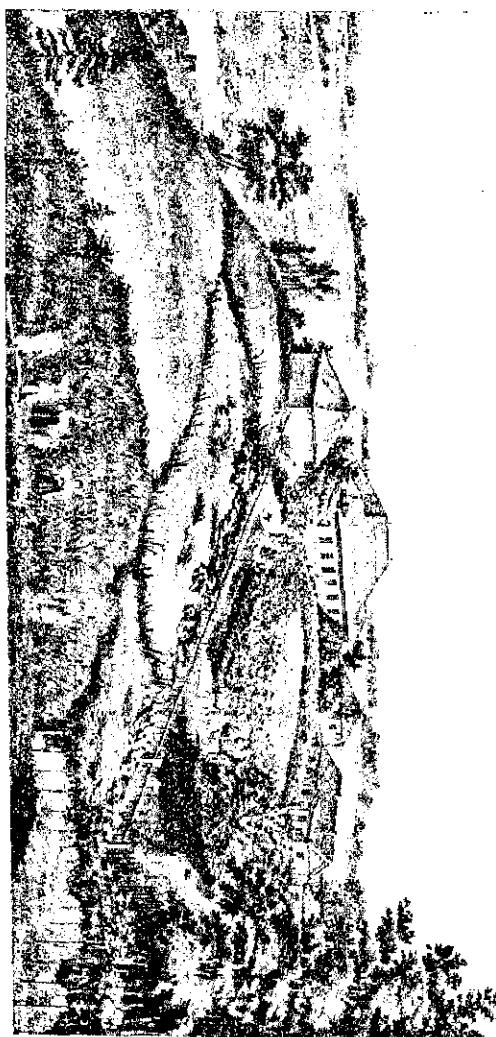
Такой же взгляд на Пушкинский уголок высказан был и Н. М. Языковым в его известном «Тригорском». В этой пьесе дана была замечательно яркая картина мирного деревенского лета с напряженным земледельческим трудом на «зияющих пнях» и «золотистых полосах» и с утонченными беседами друзей Пушкина

На дербе мягком и теплом
В виду окрестностей живых,
Или в тени благодатной
Жильца града, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный.

Сам Пушкин признал поэтическую преместь и верность картины, нарисованной Языковым, написав в «Странствии Онегина»:

Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных изв.,
Вас, мир и сон Тригорских изв.,
И берег Сороты отлогий.

¹⁾ «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, стр. 99.

И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где нировали мы,—
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языковым воснетый,
Когда из кашница наук
Явился он в наш сельский круг
И воды Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.

Владельцы усадеб в блаженном захолустии Пущинского угла мало интересовались прошлым своего края и его не изучали. Только Языков, наездом посетивший их усадьбы, в своем «Тригорском» вспомнил о военных грозах в этой области, «которую война кровопролитно пустопила» во времена ливонских набегов и нашествия Батория. Но Языков при этом думал о самом Пескове больше, чем о берегах Сороти; а здесь, на Сороти, он отметил только «одинокий древний храм среди бескрайней поляны» и «благородные курганы по зеленеющим брегам». Но, как и все постоянные обитатели этих мест, Языков не мог бы рассказать ничего определенного ни об этом храме, ни об этих курганах¹⁾. Местные помещики

1) Можно думать, что в пору своих работ над «Борисом Годуновым» сам Пушкин ознакомился—главным образом по Карамзину—с прошлым своего края. Намек на это виден в его проекте заглавия к «Борису Годунову»... «Нисал раб Божий Алексей, сын Сергея Пущин в лето 7333 в городе Вороничев» («Пушкин. Письма. Том I», 1926).

помнили только о своих ближайших предках, получивших в обладание усадьбы на Сороти, и о хозяйственной деятельности этих предков в их новых вотчинах. Сам Пушкин знал, что его Михайловское (под старым названием Зуева) было пожаловано императрицей Елизаветою (в 1746 году) его предку «арану Петра Великого» Абраму Ганнибалу, от которого по женской линии и перешло к Пушкиным. В Тригорском знали, что Тригорское (в составе «Егорьевской губы») было пожаловано Екатериною II секунд-майору Максиму Вындомскому (в 1762 году) и от него досталось его внучке И. А. Осиповой, в семье которой так хорошо был принят Пушкин. Как Осиповы, так и Пушкины на основании жалованных грамот 1746 и 1762 гг. были осведомлены, что их вотчины ранее состояли в дворцовых волостях; но этим и кончались их родовые воспоминания. Исторические судьбы этих дворцовых волостей были для них темы и вряд ли их занимали.

Между тем история того края, в состав которого входило течение реки Сороти, не лишена интереса и может быть восстановлена если не с желаемою полнотою, то с достаточною определенностью, и при том от времен весьма старинных. Мы попробуем это сделать в кратком рассказе.

стр. 141, письмо князю Н. А. Вяземскому). Вместо «пригорода» или «погоста» к Вероничу приложен здесь древний эпитет «городища».

II

Край, к которому принадлежит Пушкинский уголок, представляет собою водораздел между реками, текущими в о. Пейнус, и реками, текущими в о. Ильмень, а затем—между этими двумя речными системами, с одной стороны, и бассейном Западной Двины, с другой. В древнейшие времена, когда начальные населители нашей страны селились по рекам, этот водораздел, лесистый и болотистый (в особенности в его восточной части), оставался малонаселенным. Он составлял как бы нейтральную пограничную полосу между коренными поселениями—на Ильмене Новгородских «словен», Исковской ветви «кривичей» на Великой и «древовичей» (белоруссов) на Зап. Двине. Кто жил в этой пограничной полосе до появления в ней славян, сказать трудно. Точных письменных свидетельств об этом, конечно, нет; а «язык земли» здесь скучен и мало понятен. Названия рек, озер и уроцищ, «окаменелости географической номенклатуры» (по выражению Н. И. Надеждина), не указывают определенно на какую-либо инородческую древнейшую подпочву, на которой затем развились

славянская культура. Что же касается до памятников древности, находимых здесь на поверхности земли и в ее недрах, то о них вообще нет подробных сведений. «Удивительно мало известно о древностях этого весьма интересного и важного уголка России», писал в 1897 г. известный археолог А. А. Спицын. С тех пор очень немного прибавилось к тому археологическому материалу, каким он располагал. Стоянок каменного века здесь как будто вовсе не было обнаружено. Монеты и вещи, находимые в кладах, курганах и погребальных сооружениях разных типов, принадлежат уже к эпохе славянских поселений. Монет золотых и слитков золота и серебра здесь вовсе не было необходимо. Арабские монеты в большом количестве были открыты в кладах близ р. Великой в Псковском и Островском уездах и близ р. Ловати в Холмском уезде; они указывают на существование торгового движения по большим рекам края в IX—X веках. Из русских монет в кладах нашего края встречаются только монеты удельного времени и московские; древнейших русских монет (X—XI веков) вовсе нет. Таким образом, историю края возможно начинать лишь с возникновения в нем первых славянских центров¹⁾.

¹⁾ Записки Русского Археологического Общества, том IX, выпуск 1-й и 2-й (СПБ, 1897, стр. 249—256). — Брошюры А. А. Ильина по «Топографии кладов» (СПБ, 1921 и 1924 гг.).

Повидимому, заселение изучаемых нами мест началось с двух сторон. От реки Великой к водоразделу выдвинут был псковичами пригород Вороноч на реке Сороти; а со стороны Новгородской на верховьях рек Полисти и Льсты (приток Сороти), то-есть на самом водоразделе, появились Новгородские погосты Ошевский и Бардовский «во Ржеве Пустой». Известия о всех этих поселениях не идут вглубь веков далее XIV века, и в эту раннюю эпоху под именем «Ржевы» разумелся не один населенный пункт, а некоторый округ. Ему было усвоено название «Пустой», как местности мало населенной, только еще колонизируемой, в отличие от другой более древней «Ржевы» или города Ржева на Волге, который, несомненно, существовал уже в начале XIII века в владении Смоленских князей, а затем перешел в состав Владимирского великого княжения, почему и носил наименование «Ржевы Володимировы». Можно догадываться, что древнейшим окраинным центром погостов Ошевского и Бардовского было то поселение при озере Аршо или Оршо, которое ныне носит название Ории или Оршинской (деревни); быть может, даже самое имя «Ржевы» находится в родстве с названием озера Оршо (Ршо)²⁾. Это поселение при озере не имело

¹⁾ При озере Оршо теперь стоит г. Новоржев; но он, как уездный город, существует только с 1777 года: указом 3-го августа этого года велено «правление Пусторжевского уезда, бывшее в Завозочье, перевести в Аршанский стан на реку

укрепления, не было «городом». Для защиты Ржевы от Литвы город в ином месте был поставлен в 1536 г.: «велел князь великий (Иван Васильевич) поставить во Ржевском на Литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочье»¹). Заволочье получило свое название оттого, что стало «за волоком» — перешагнуло в верховьях р. Великой за линию водораздела в верховья Двинских рек Уди и Дриссы. Так определился южный рубеж Ржевы Пустой — на самых волоках между двумя речными системами в области многочисленных мелких озер и густых лесов. Эта широкая полоса водных пространств и непроходимых лесов, почти недоступная человеку, представлялась полякам и литве, которые с нею с юга соседили, умышленно созданной преградой. Один из польских историков XVI века, современник и сотрудник Стефана Батория Р. Гейденштейн писал, что русские «нарочно дали здесь разрастись непроходимым лесам, ибо у них такой обычай, что они оставляют пограничную

Сореть, яко в середину Новоржевского (переименованного из Пусторжевского) уезда и на большую из Пскова в Великие Луки дорогу, где и учредить город под именованием Новоржев» (Поли. Собр. Зак., т. XX, стр. 543).

¹⁾ Полное Собр. Русск. летописей, т. VIII, стр. 291; т. IV, стр. 301; т. VI, стр. 300. По словам близкого к Стефану Баторию поляка, «Заволочье расположено на таком месте, от которого идет главная дорога ко Пскову» (от Литвы). См. «Гейденштейна Записки о Московской войне» (СИБ, 1889, стр. 146—147).

землю на протяжении нескольких миль вполне невозделанную и необитаемую; частые деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оplot против чеприятеля, и русские считают себя в безопасности от вражеских набегов, как скоро со всех сторон окружат себя насколько возможно бесподобными пустырями»¹).

Ржева Пустая с ее погостами Ошевским и Бардовским не входила в состав коренных Новгородских земель, а была новой заимкой. Ранние писцовые книги Шелонской пятини описывают верховья Ильменских рек Ловати, Реды, Порусы, Полисти приблизительно до озер Прудского, Русского и Рдейского; но лежащая в чрезвычайно близком с ними соседстве «губа» или «третъ» Ошевского погоста, по имени Ратча, уже не числится в Шелонской пятине. Это обстоятельство особенно любопытно отметить в виду того, что один документ конца XV века устанавливает факт одновременной политической и фискальной зависимости Ржевы Пустой от Новгорода, Москвы и Литовского княжества²). Колонизационные нити связывали эту

¹⁾ «Гейденштейна Записки», стр. 116.

²⁾ Этот документ — «Запись о Ржевской даче», сделанная в Литовской метрике новидимому в 1480 годах (Акты Западной России, I, № 71; Сборник Муханова, № 29). Все упоминаемые в записи губы и трети Ржевских погостов точно приурочиваются к современной десятиверстной карте (Влады, Цебло, Ратча, Будки, Турова, Барлово, Ругодев; под сомнением только «Ольская третъ»).

местность сразу с тремя метрополиями. Документ говорит, что «дань Ржевская здавна по тому шла: господару королю его милости (в Литву), и к Новгороду, и к Москве». При этом правом на получение дани со Ржевских погостов и составлявших их «третей» и «губ» пользовались не только государственные власти Литвы, Новгорода и Москвы, но и частные лица. Документ говорит между прочим: «с Ратчиной шло боярину одному Новгородскому, па имя Киприяну, и предкам его пятый сноп; ино ж того Киприяна сыни тещерь на Москве, ино того снопа теперь никто не берет». И далее: «тако же на Влицах и на Цебле пошлина здавна идет к монастырю святого Кирила у Новгород». Влицы и Цебло—две губы Ошевского погоста—не только платили Новгородскому (на Торговой стороне) монастырю «рубль грошей в осень» и «по сыру с дыму», но еще и зимою принимали «поездников» монастырских, давали им «дввесте белок, дввесте хлебов, дввесте окороков мяса, дввесте горстей мысу» и варили на них «дванадцать варов пива». Объезд этих поездников совершался дважды в год, и каждый раз «по дванадцати ночей им почевати в волости». Сверх всего перечисленного монастырь брал каждую зиму с волостей жито: «коли сами мужики возят к Новгороду, шестьдесят бочек, а коли сами мужики не везут, ино девяносто бочек». Очевидно, что боярский двор Киприана и Кириллов монастырь представляли собою в Новгороде те социальные ячейки,

где рождался колонизационный почин и находились средства для хозяйственных заимок на новой земле. Через них новая земля «позоровала» (принадлежала) к Новгороду, и «бывал здавно обычай»: если пусторожевцы и новгородцы во взаимных отношениях дойдут до суда, «ино им суд в Новгороде на Городиши стати, а позов им (на суд) на обе стороны через сокольника, кто сокольничее берет от князя великого (московского)». «Сокольничее»—это дань с Ошевского погоста Москве; сокольник—это агент московского князя; и в то же время в Ошевском погосте существовала дань королю и «присуд весь королев на тых местах здавна», и были в погосте королевские (литовские) «наместники»¹⁾. После падения Новгорода, «как князь великий Московский взял Новгород и вечно им скрыл», появился было в погосте московский наместник и «судил и грабил люди», а слуги его «лежали зиму во Влицах и грабили»; но по жалобе на грабеж в Москву князь великий дал Ошевскому погосту свою грамоту жалованную, а наместника свел.

Тот же порядок существовал и в других «третях» Ошевского погоста и в погосте Бардове. Литовский

¹⁾ В договорной грамоте Новгорода с королем Каимиром 1471 года написано между прочим: «А что Ржева и В. Луки и Холмовски погост, четыре перевары, а то земли Новгородские, а в то ся тебе, честному королю, не вступати, а знать тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новгороду; а Ржеве и Лукам и Холмовскому погосту и иным землям Новгородским и вадам от Литовской земли рубежъ по старине» (Акт. Арх. Экс., I, № 87).

князь, Новгородский архиепископ, «боярских жеребьев Великого Новгорода 40» («а каждый свой жеребей особенно держит»—пятый сноп)—все эти власти, государственные и вотчинные, одновременно действовали в Ржевском крае, выжимая из него фискальные и хозяйственны доходы, пока их всех не сменила здесь Московская власть, «скавившая» Новгородское вече и заслонившая Ржеву Пустую от Литвы своими крепостями. Перед нами—отчетливо нарисованная картина быта одной из «земель Новгородских», не вошедших органически в состав государственной территории Великого Новгорода и служивших только для хозяйственной эксплоатации как государству, так и сильным частным лицам. В этом отношении Ржева представляет полную аналогию с Двинской землей, в которой также действовало два правительства, Новгородское и Пизовское, и также существовали частные власти. Как Новгород ополчился на свою Двинскую землю за ее измену в конце XIV века и разорил ее, так зимою 1435—1436 г. «воеводы Новгородские» с большою ратью из Новгорода, Старой Руссы и Порхова «казниша Ржевичь и села вся пожгла по Ржеве по Плесковский (Псковский) рубежь и на Бардове». Псковский летописец объясняет и причину этого погрома: новгородцы «Ржеву воеваша, своих данщиков, а они не почшади давати Новгородцем»¹⁾.

¹⁾ Полн. Собрание Летописей, т. III, стр. 111; т. IV, стр. 210; т. V, стр. 29; т. XII, стр. 21.

Только что упомянутый «Плесковский рубеж» Ржевы Пустой отграничиваал Новгородские земли на изучаемом нами водоразделе от земель, занятых псковичами на правом берегу р. Великой. Эти земли были обставлены и защищены Псковскими «пригородами», то есть крепостями¹⁾, по линии которых и можно теперь приблизительно установить «Псковский рубеж». Если всмотреться в расположение этих пригородов—Владимира, Котельна, Выбора, Врева, Воронча, Велья,—то можно заметить, что они предназначены были оборонять подступы ко Пскову с юго-востока и юга, от части от Новгорода и главным образом от Литвы. Владимира и Котельно защищали верхнее течение р. Черехи, впадающей в Великую под самым почти Псковом. Вороноч стоял на переправах через низовья Сороти; Выбор и Врев преграждали путь к Острову и Пскову с верховьев Сороти, с р. Уды и р. Льсты. В системе Сороти они составляли собой как-бы вторую линию укреплений за Вороночем, бывшим в первой линии. Что касается до Велья, то можно сказать, что Велье и Опочка были выдвинуты на самый Литовский рубеж, как два наиболее южные опорные пункты Псковичей на Великой.

¹⁾ Н. И. Костомаров посетил многие из этих пригородов, теперь в большинстве своем представляющих живописные развалины. Их картиное описание помещено Костомаровым во II-м томе «Североурусских народонаселений» (глава VII, § 4).

Если провести на карте линию от Владимирца к Вороночу и Опочке, то она приблизительно и укажет рубеж между Новгородскими и Псковскими землями на водоразделе¹⁾.

После сделанных замечаний можно точно определить положение «Пушкинского уголка» в том крае, к которому он принадлежал. В центре поселений этого уголка находится городище исчезнувшего Псковского пригорода Вороноча; памятные усадьбы Тригорского и Михайловского и монастырь с могилой Пушкина составляют его ближайшие окрестности, разделявшие в старину судьбу этого города. Говоря о Вороноче в его прошлом, в сущности говорим обо всем Пушкинском уголке. На Псково-Ржевском рубеже Вороноч был наиболее значительной крепостью и находился в самом близком соседстве со Ржевским поселком Арши (или Орши), через который шла дорога от Великих Лук и от Литовского рубежа на Остров и Псков. Прикрывая переправу через Сороть в военное время, Вороноч в мирные годы давал населению все удобства переезда через реку и открывал путь ко Пскову. Поэтому он из военного укрепления постепенно превратился в мирный центр и был значительным

¹⁾ О Псковских пригородах, кроме упомянутого труда Костомарова «Северо-русские народоправства» (т. II, глава VII, § 4), см. И. Д. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке», глава III. Первый материал (шифровый и актовый) напечатан в «Сборнике Моск. Архива Мин. Юстиции», томы V и VI («Псков и его пригороды»).

городом. Гейденштейн писал о нем в конце XVI века: «Город Вороночь расположен выше (севернее) Заволочья при реке (Сороти) и, благодаря удобному расположению этой реки, впадающей в Великую, а через нее у Пскова в озеро и далее в залив Финский, был некогда обширен и по торговле и по числу жителей»¹⁾. Официальные московские сведения того же времени указывают, что до погрома, произведенного Баторием во время его похода на Псков, в Вороноче было более 400 дворов на посаде и более 200 «осадных клетей» в крепости. Эти цифры указывают, что по масштабам той эпохи Вороноч принадлежал к числу московских городов среднего размера²⁾. В окрестностях Вороноча были многочисленные пачини и пожни, не только крестьянские, но и городские—посадских людей, гарнизонных пушкарей и духовенства. Земельные участки духовенства в особенности для нас интересны. Монастыри и церкви Вороноча³⁾ владели кругом города целыми «губами»

¹⁾ «Гейденштейна Записки», стр. 171.

²⁾ Для сравнения укажем, что в 1579 г. в Чердыни было около 300 дворов, в Соликамске около 350 дворов; в Устюге (крупный центр)—около 800 дворов в начале XVII века; тогда же в Вологде (один из самых крупных московских городов)—1200 дворов. К сожалению, нет данных о размерах рынка в Вороноче.

³⁾ В Вороноче известны в ту эпоху монастыри Никольский, Михайловский, Спасский, Покровский, Ильинский и Успенский; церкви—Иоанна Милостивого, Иоана Предтечи, Кузьмы и Демьяна, Егорья и др. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1906, январь, стр. 70; 1905, декабрь, стр. 262).

(то-есть, волостями и приходами): так, например, Спасский монастырь из Вороноча с Чичаговы горы владел «Спасской губой»; Ильинский монастырь из Вороноча — «Ильинской губой»; церковь «Егорий Святой» из Вороноча владела «Егорьевской губой»; Михайловский монастырь из Вороноча владел «Михайловской губой». Эти две последние «губы» в XVIII веке и перешли во владение Вындовских и Ганибалов. В рескрипте Екатерины II Максиму Вындовскому сказано было, что он награждается «из дворцовой волости в Псковском уезде деревнями, прозвываемыми Егорьевская губа»; а в грамоте Елизаветы Абраму Ганибалу написано, что императрица жалует ему «пригорода Вороноча Михайловскую губу» «со всеми к ней принадлежащими землями»¹⁾). Стало быть, вотчины Пушкинского уголка создались на землях духовенства и составляли собою целые «губы», прилегавшие к значительному городу. «Пустынной речки берега в глухи лесов сосновых» Пушкинского времени не были в эпоху вольного Пскова и державной Москвы захолустем и глушью. Они находились на бойком месте, у значительного города, на большой дороге от Литовского и Новгородского рубежей ко Пскову. Мы увидим далее, когда и как заглохли эти места.

¹⁾ Н. Н. Кашкин, «Родословные разведки» (СПБ. 1912), т. I, стр. 91 (Вороноч находился тогда в Псковском уезде).— П. М. Устимович, «Михайловское, Тригорское и могила Цуцикана» (1927), стр. 6—7.

III

Колонизационный процесс в Ржеве Пустой и на правом берегу реки Великой в XIV—XV веках был осложнен неожиданным внешним вмешательством. С XIV века в этом краю стали ощутительны набеги иноземцев из-за рубежа — немецких рыцарей с Балтийского берега и Литовских князей с их литовско-русскими дружинами. Так, в 1356 году немцы «воевавши села около Острова», и тогда же сын знаменитого Ольгерда Андрей «из своего украины пригнавши безвести повоеваше неколико сел Вороночской волости». Летопись прибавляет, что «сей первое нача войну». Набеги Ливонских немцев, так называемые «рейзы», обычно имели вид кратковременных разбойнических нападений¹⁾. Литва воевала большими

¹⁾ О князе Андрее — Полн. Собр. Русск. Летописей, т. IV, стр. 190; т. V, стр. 14.—Немецкие рейзы прекрасно описаны В. Б. Антоновичем в его «Очерке истории великого княжества Литовского» (Монографии, т. I, стр. 99 и сл.). Крупный поход немцев на Псковскую землю отмечен летописью в 1407—1408 г.г., когда «Вороночане» одержали победу над немецким отрядом (Полн. Собр. Р. Лет., IV, 199; V, 20).

силами: устремляя свои удары на Псков, литовские князья со всеми своими полками направлялись прежде всего на Ржеву, Опочку и Вороноч и штурмовали их. В особенности Витовт нанес здесь много вреда. В 1405—1406 гг., объявив войну Новгороду, он обрушился на Ржеву и на Псковские пригороды (на Коложскую волость близ Опочки), «а всего полону взяше 11.000 мужей и жен и детей». Под Вороночем Витовт стоял два дня, и летописец с ужасом говорит, что его рать здесь «наметала мертвых детей две ладьи»; «не бывала пакость такова, как и Псков стал», заключает он. Через двадцать лет поход Витовта повторился. В 1426 году Витовт снова явился в окрестностях Опочки, но не успел ее взять и перешел к Вороночу. Во время осады и приступов к этой крепости пришла гроза. По рассказу одной летописи, «приспешише нощи и бысть чудо страшно: внезану наиде туча страшна и грозна и дождь силен и гром страшен и молния беспрестанно блестая, яко мнести уже всем от дождя потопленым быти, или от грому камением побиенным быти, или от молния сожженным». Испуганный грозою, Витовт вступил в переговоры о мире. Другая летопись дополняет этот рассказ эпическими подробностями: «бысть тогда туча страшна и грозна велими, гром страшен и молниам блестана, яко живота сущим с Витовтом отчаятися, и он сам за столп шатерный ухватиша, начат воинти: господи помилуй! стоный и трясыйся, мняся уже землею

пожрен быти и во ад вникти». И эта вторая летопись так же, как первая, свидетельствует, что под Вороночем начались переговоры о мире¹⁾. Со времени Витовта изучаемый нами край становится ареной постоянных столкновений между государствами Литовским и Московским. Уже при Витовте в его переговорах с псковичами под Вороночем принимал участие посол Московского князя Василия Васильевича А. В. Лыков. В позднейшее же время московская власть, овладевая понемногу Новгородом и Псковом, принимает на себя вседело защиту края и шлет во Ржеву и на Великую своих воевод. В 1517—1518 гг. в Вороноче и в Опочке действуют против Литвы воеводы великого князя: князь А. В. Ростовский, князь Ф. В. Оболенский-Лопата-Телениев, И. В. Ляцкий и «иные воеводы». В 1521 году на случай военных действий против литвы и немцев значительное войско великого князя Василия Ивановича было собрано в Вороноче. Не только «Новгородская сила» и Псковские дети боярские были посланы туда, но и «татарове шли с Москвы на Псков к Вороночу к воеводам великого князя». Войско стояло в Вороноче все лето и осень до октября. Когда главным театром военных действий бывали Смоленские и Северские места, Ржева терпела только мелкие вражеские набеги. Так, в 1543 году московские послы жаловались в Литве

¹⁾ Полное Собрание Р. Летописей, т. IV, стр. 108, 197; т. V, стр. 23; т. VIII, стр. 94.

именем великого князя королю Сигизмунду: «писали к нам изо Ржевы наши наместники, что твои казаки Полоцкие Иван Котурик да Васка Носов со многими людьми приходили в нашу волость... и крестьяне били и грабили»¹⁾. Серьезнее сложились обстоятельства при Иване Грозном во время его Ливонской войны, когда борьба за Балтийские берега захватила не только «города от Литовской Украины», но и «города от Немецкой Украины». После 1560 года главные военные действия шли на Зап. Двине; по обе воюющие стороны делали набеги и в пределы Ливонии. Так, в 1565 году ходил Василий Бутурлин изо Пскова и воевал около Вольмаря и Вендана; и в том же году большой отряд литовцев перешел через Великую: «спли наших людей искати и сошлися с нашими под Вельем». Наши отступили к Вороночу, «и Литва за нашими ходили, за пять верст не доходили до Вороноча», а затем ушли назад, по направлению к Валку (Улеху)²⁾. Весь их набег длился полторы недели.

¹⁾ Полное Собрание Р. Летописей, т. VIII, стр. 94; т. IV, стр. 294.—Сборник Р. Историч. Общества, т. XXXV, стр. 503; т. LIX, стр. 223.

²⁾ Милюков, «Древнейшая разрядная книга» (М. 1901), стр. 264; «Симбирский Сборник» (М. 1845), стр. 14.—Полное Собрание Р. Летописей, т. IV, стр. 316. Летописец говорит, что литовцы «воевали полторы недели, полону много вывели и помечиковы и крестьянские дворы жгли, церквей не жгли». По мнению А. Н. Барсукова («Род Шереметевых», I, стр. 277—278), церкви остались целы благодаря князю А. М. Курбскому,

Иначе стало дело при Стефане Батории, когда его удары обрушились на Великие Луки и Псков. Тогда в течение многих месяцев вся Ржева и Псковские пригороды находились в центре боевых операций и были надолго опустошены и разорены.

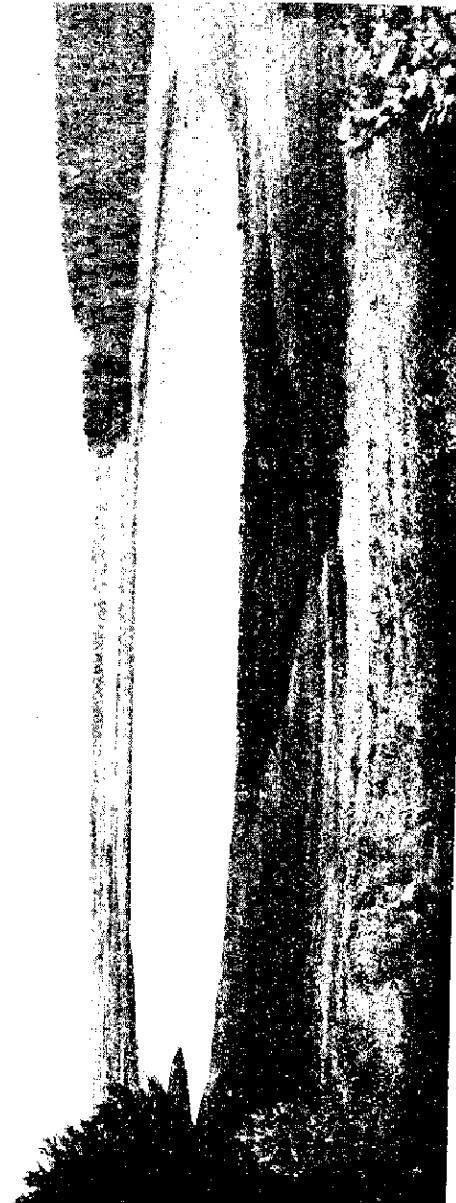
В исходе лета 1581 года, решив поход на Псков, Баторий ударил на крепость Заволочье, «от которого идет главная дорога ко Пскову», и взял его. Затем, передвинувшись к Вороночу, король в нем устроил сборный пункт для всей своей армии; приведя здесь в порядок подошедшие отряды, он двинулся к г. Острому и осадил его. Сдача Острова открыла ему путь к самому Пскову. Известно, что осада этой первоклассной крепости не была для короля удачной. Приступы не удавались, и королю пришлось оставить свое войско подо Псковом на зиму. За время осады Пскова весь водораздел был в обладании Баториева войска. Русские крепости были разрушены, города ограблены и сожжены, население погибло или разбежалось. Один ксендз, следовавший за королем в его походе, не раз отмечал в своем дневнике крайнюю степень опустошения тех мест, по которым проезжал. Так, под 8 августа 1581 года он записал: «провел ночь в пяти милях

Действительно, в своем «отвещании» Грозному, Курбский говорит, что он «принужден былых Луцки (Великих Лук) волости воевати; и тамо зело стрегли есмы вкупе со Корецким князем, иже бы неверные церквей божиих не жгли и не разоряли» («Р. Историч. Библиотека», т. XXXI, стр. 131—132).

от Вороноча; там обилие во всем, селения расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба». Проехав Вороноч и добравшись до берегов Великой, 16 августа он пишет: «Мы почевали в 4-х милях (от Вороноча) над рекою Великой... Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну, но что пользы от этого? везде пусто, мало жителей». Так было в начале компании; в течение осады Пскова осенью стало гораздо хуже. Уже в сентябре подо Псковом опасались голода, так как «более, чем на десять миль кругом Пскова все запасы уничтожены». Страна на всем своем пространстве пришла в крайнюю степень разорения, и фуражировки в ней совершались с большим трудом. Никогда еще Ржева не переживала более трудных времен, и последствия их были чрезвычайно тяжелы¹⁾.

Когда после заключения мира с Баторием и удаления его армии из-под Пскова и изо Ржевы туда явились в 1585—1587 гг. московские «писцы» для описания городов и волостей, потерпевших от войны, то они застали полную «пустоту». Города лежали в развалинах; в уездах вместо лашен и пив были сплошные «перелоги» и земля «в пусте» и «пожни оброшеные, а ныне их на оброк не взял никто». В частности крепости Вороноча не существовало, и писцы о

¹⁾ «Гейдените на Записки», стр. 146, 193.—«Дневник последнего похода Ст. Батория на Россию. Перевод О. И. Милевского» (Псков, 1882), стр. 66, 85, 127.

Осада Пскова

нем выразились так: «городище, что был город Вороночь, на реке на Сороти». Вокруг развалин «города» на пожарище старого «посада» ютилось в 7 жилых дворах «людей 9 человек», да 10 дворов стояло пустых; все остальное было разорено. «А по старому письму на Вороноче (то-есть, до войны) было черных (то-есть, податных) тяглых людей 371 двор». Итак, стало быть, Вороноч был уничтожен. Пусты были и его окрестности. В составе оброчных статей были «в Вороночском уезде рыбные оброчные ловли, а ныне их на оброк не взял никто». На первом месте писцы отметили «в Михайловской губе от Вороноча от посаду за полторы версты озерко Маленец у Вороноча озера, по смете на три десятины, сквозь него течет река Сороть, а рыба в том озерке весною живет белая—щуки, лещи, окунь, плотицы, а летом да зимою рыба лини»... Как озерки оставались без рыболовов, так и пожни оставались без съемщиков: «всего в Вороночском уезде (писали писцы) 148 пожен оброчных, а оброку в пусте 10 рублей и 19 алтын и 5 денег». Это значит, что ни одна из 148 пожен не дала дохода, который шел с нее прежде, до войны¹⁾. Совсем такую

¹⁾ «Сборник Моск. Архива Мин. Юстиции», т. V («Псков и его пригороды»), стр. 332—334. На Вороночском городище сидело десятка три людей, так сказать, по обязанности и по нужде: служилые люди, духовенство, индие в «богадельной избе». Все эти люди, как и посадские, усиленно пахали и огораживали на пустырях, окружающих город.

же картину представляли и соседние Псковские пригороды: Володимерец, Врев, Выбор, Вышгород и др. Словом, вся страна, застигнутая войной, лежала в развалинах. Но ко времени переписи 1585—1587 гг. кое-где население уже вернулось и восстанавливало свое хозяйство; возобновились и ярмарки. Так, писцы отметили, что в Острове на посаде на Болобановском лугу «живет леге от Петрова дни и Павлова торг великой, а торгуют две недели, а приезжают на тот торг многие люди Московских городов и Великого Новагорода и Пскова и литовские и немецкие люди; ...да в Островском же уезде в Никольской губе у Воскресения Христова на Городище торгуют в третье воскресенье по Велице дни один день»¹⁾. Однако, возрождение мирной жизни в Псковских пригородах совершилось не в тех формах, какие эта жизнь имела до войны. Перед войной население пригородов жило мелким торговом и промыслом, а также и земледельческим трудом, мало отличаясь в этом от подгородного крестьянства. Во время войны этот мелкий городской люд, «посадские люди», был разогнан и частью истреблен, а после заключения мира взамен ушедших и умерших московское правительство водворило в пригородах значительные гарнизоны стрельцов, посадив их во дворы и на земли прежних горожан.

¹⁾ Записки Русск. Археологич. Общества, т. IX, вып. 1 и 2 (1897 г.), стр. 311.

Инцы 1585—1587 годов в пригородах насчитали только 75 посадских людей и 66 крестьян; ратных же людей, стрельцов и пушкарей, было там 890. Пригороды вследствие этого потеряли свою прежнюю близость к уездам, и возвращавшееся на свои прежние места, «на старые печища», уездное крестьянство не восстановило своих житейских связей с упавшими в торгово-промышленном отношении городами. Любопытно отметить, что из прежде бывшего числа 246 лавок в пригородах после войны торговали только в 86-ти.

Новые беды пришли на берега Великой и на Ржеву Пустую в Смутное время. Сюда явились (в 1607—1608 гг.) из «Тушинских тaborов» от второго самозванца отряды дворян и стрельцов и увлекли Псковские пригороды на сторону самозванца. Это обстоятельство втянуло край в острое междуусобие и сделало его ареной самых разнообразных столкновений и хищнических набегов. Псковский летописец, не отдавая себе ясного отчета в общем смысле происходивших в крае хаотических событий, записывал их без связи. Так, он сообщал, что в 1610 году известный польский беженец «полковник» Лисовский «с литвой и с немцами мимо Псков шел и стал в пригородах Псковских, воевал мало не четыре годы». Он разорил в 1611 году Нечоры, «и под Изборском был и дрался со Псковскими ратными людьми, и под Островом и под Опочкой, и стал на Вороноче и воевал Псковщину,

а литвы и немец 2.000 с ним». Под следующим 1612 годом летописец снова записал, что Лисовский «Заволочье взял, Псковский пригород», и приходил «подо все пригороды, яко волк искрадом хватая и поядая». В Заволочье, однако, Лисовскому не удалось долго удержаться: «казаки Себежские и Опочецкие и всякие люди взяша Заволочье у Олисовского и много сукон, и город сожгли». Это известие летописи подтверждается приказной справкой («памятью») 1627 года в Московском Стрелецком приказе: «в прошлом 119 (1611) году город Заволочье взял Лисовской с литовскими людьми, а в прошлом же в 121 (1612—1613) году город Заволочье государевы люди у литовских людей взяли и город сожгли¹». Из эпохи Смуты как Ржева Пустая, так и Псковские пригороды вышли в состоянии разорения. Войны Москвы с Речью Посполитой в XVI веке снова и снова разоряли этот край, так что в течение целого века после Батория здесь не знали покоя и постоянно, по выражению одной челобитной

¹⁾ Полн. Собр. Р. летописей, т. IV, стр. 323, 329—330.—«Сборник Моск. Архива Мин. Юстиции», т. VI («Псков и его пригороды»), стр. 367.—Русск. Историч. Библиотека, XXVIII, стр. 65. Заволочье «стояло пусто» 26 лет; когда в 1638 году его хотели возобновить, местные служилые землевладельцы просили этого не делать. Они писали: «тот, государь, город людникам и крестьянникам нашим ото всяких воинских людей не убежище, потому что вдался в Литовскую землю верст 30 и больши меж Полоцкого и Невельского рубежей и от Пусторжевского уезду удалел» (там же, стр. 386).

1638 года, «збегали людинка и крестьянишка наши в иные государевы города, где кому ссяжно»¹⁾.

В актах, касающихся истории Псковского края за XVII век, встречается много указаний на вторжение неприятельских отрядов. Во время войны 1632—1634 гг. военные действия шли на всем пространстве Пустой Ржевы и захватывали Вороноч. В зиму 1633—1634 года литовские люди, «приход на Вороночь, посад и в уездах деревни пожгли и посадских людей и государевых дворцовых и монастырских и церковных и помещицких крестьян з женами и з детьми побили и в полон поимали; и на Вороноче литовские люди стояли ночь». А в это время «на Вороноче было посадишко, а крепости никакие, и ратных людей не было»; Псковский же воевода Л. Е. Воейков, которому было поручено оборонять пригороды, повидимому, оробел и отступил перед врагом ко Пскову, пошел с ними «хребтами вместе» (то-есть, в одном направлении), как беглец. Литовским отрядам было легко воевать в этом kraю, потому что еще со времен Батория и Смуты здесь не были восстановлены крепости, и воинская сила московская держалась только во Пскове. В отчете о положении дел в kraе Псковские воеводы писали царю весною 1634 года,

¹⁾ Где кому ссяжно—где кому можно поместиться (Срезневского «Материалы для словаря» под словом «съѣѣсти»). См. «Псков и его пригороды», т. II (в «Сборнике Моск. Арх. Мин. Юст.», VI), стр. 386.

что не только в Вороноче не было крепости и тяглых посадских дворов числилось только 13, но что и другие пригороды находились не в лучшем состоянии. Так, в Острове на посаде «было всяких людей дво-ришков с десять да твой государев кабак»; «на Выборе, государь, было посадских людей по писцовым книгам 4 двора». Пригород Врев оказался «пуст изо многих лет от литовских людей войны, как король был подо Псковом». В таком жалком состоянии пребывали интересующие нас места в первой половине XVII века¹⁾.

В следующий период войн Москвы с Литвой и Польшей дело обстояло не лучше. Весною 1661 года Псковские пригороды подверглись нападению большого отряда, тысячи в три человек, под командой «полковника ковалера» Юницкого. Сначала Юницкий «гнался велед» за воеводою князем И. А. Хованским; во Хованский прошел раньше, чем думали поляки, из Полоцка ко Пскову. Верст за 20 до Вороноча Юницкий остановил погоню и «разделился на трое», при чем из трех отрядов один послал на Опочку и Вороноч. Этот отряд «Опочецкий уезд воевал и села и деревни и под Опочкою посады и Вороноч выжег». В это время на Вороноче считалось 26 посадских дворов, то-есть вдвое больше, чем в 1634 году. После же набега Юницкого Вороноч и его уезд стал считаться

¹⁾ «Псков и его пригороды», II, стр. 34—72 (в особенности стр. 58, 61, 63—64); стр. 367—386.

«пустым». Осенью 1661 года последовало распоряжение «послать в Опочецкий и в Велейский и в Воронечский уезды и во все пустые пригороды Опочецких пушкарей и стрельцов тотчас и велети бы им в тех уездах всяких чинов крестьянам сказывать, чтоб они из деревень своих со всеми животы и с женами и с детьми и с животиною ехали в города, кому куды ссяжнее, тотчас безо всякого мотчанья, а сами б в деревнях своих жили налегке с великим береженьем, чтобы польские и литовские люди, пришед безвестно, над ними, уездными людьми, какого дурна не учинили». В 1664 году вражеский набег повторился, при чем вторгнувшийся отряд полковника Чернавского обосновался в Вороноче, устроив там свой «обоз» (лагерь). Опочецкий воевода доносил 8 апреля во Псков большим воеводам, что «Польские и Литовские многие стоят ныне на Вороноче и Псковский и Опочецкий и Шусторжевский уезды разоряют», а у него, воеводы, в Опочке нет людей, чтобы итти против них. Повидимому, Чернавский на-чисто разгромил названные уезды, так что они вовсе запустели и в 1665 году официально были признаны «разоренными».

И, однако, они очень скоро снова стали полниться как прежним населением, возвращавшимся на «старые печища», так и новыми выходцами из других уездов и из-за Литовского рубежа (белорусами), которых правительство приказывало радушно принимать и устраивать. По казенной справке 1678 года

уже оказалось «во Ржеве Шустой крестьянских и бобыльских 2.488 дворов; а посаду нет» (прибавляла справка) ¹⁾. Это значило, что единственный город Ржевы — Заволочье — оставался «пустым», а волости стали заселяться в первое же десятилетие после прекращения войны.

¹⁾ «Акты Московского государства», т. III, стр. 355, 399, 362.—«Акты Исторические», т. IV, стр. 310; «Дополнения к Актам Историческим», т. V, стр. 28; т. VIII, стр. 128.

IV

Андрусовское перемирие 30 января 1667 года, обратившееся в 1686 году в «вечный мир» Москвы с Речью Посполитою, составило важную грань в жизни изучаемого нами края. Навсегда отошли в прошлое ужасы привычных для этих мест войн, опасности внезапных набегов, пожары, насилия и грабежи. Свою шведскую войну Петр Великий вел так, что до кампании 1708 года неприятельские войска никогда не вступали в границы его государства. Не было неприятелей и в Псковской области, защищенной отрядами Б. П. Шереметева от шведских войск, оперировавших в Лифляндии и Эстляндии. Равным образом и Ржева Пустая не подвергалась более опасности со стороны Литовского рубежа, так как Речь Посполитая состояла в союзе с Петром, а Карл XII в своих походах не имел ее в виду. Со времени Петра и Вороноч и Ржева из пограничных мест постепенно превращались во внутренние уезды государства, и пути, через них пролегавшие, теряли свое стратегическое значение, обращаясь в средства внутреннего сообщения. Ими не

раз пользовался сам Петр Великий в своих бесконечных поездках. Так, в 1706 году, в июне, он проехал из Нарвы в Смоленск через Псков и Великие Луки, а в августе из Смоленска тою же дорогой вернулся в Нарву. В декабре он опять сделал тот же путь, направляясь из Петербурга и Нарвы в Польшу. В 1708 году, в марте, с берегов Зап. Двины Петр снова проехал через Невель на Великие Луки и Псков в Дерпт, а в июле из Петербурга через Нарву, Псков и Великие Луки проследовал в Смоленск. Таким образом, и летом и зимою обычный маршрут Петра от Петербурга на польский театр войны включал в себя Псков, Вороноч, Ржеву и Великие Луки. Но ни разу в официальных записях не отмечалось, что царь останавливался в Вороноче и где-либо во Ржеве. Против, из этих записей видно, что путь через этот край «расстоянием от Лук до Пскова 231 верста» совершился без перерыва и требовал двух дней, не более. Один раз, именно в 1707 году, в октябре, Петр, приехав из Полодка на Луки, отправился не на Псков, а на Новгород «рекою Ловатью, водяным путем (на которой есть в разных местах пять великих порогов и несколько десятков малых)». В дороге до Новгорода Петр пробыл двое суток, «к Новгороду изволил приступить октября 20 числа к ночи и, не выходя из судна, его величество Новгород проехал так, что никто не знал, и оказались, что будто на том судне едут торговые люди». Утром 22 октября Петр был

уже в Старой Ладоге, а вечером 23 в Петербурге¹⁾. Чуть по Ловати заинтересовал царя и не был им забыт: в 1711 году, в декабре, будучи в Ревеле, он написал Г. Г. Скорнякову-Писареву такой приказ: «По получении сего письма поезжай прямо на Луки Великие, и как там на Луках, так и в Польском городе Шевле осведомься о коммуникации от Ловати с Двиною, ибо я в бытность мою, пред несколькими годами, в Невле от тамошней шляхты и купцов слышал, что в полую воду некоторыми речками и озерами—так разливаются—что можно ездить из Двины в Ловать». Делу этому Петр придавал спешность и требовал «сколько возможно того осмотреть, дабы на весну то дело знакомее вам окончать было»²⁾.

Спешные поездки Петра через Пусторожевский водораздел были последним отзвуком тех военных гроз, под которыми жил этот край. Вызванная политикой и войною, судорожная деятельность этого царя на целые века замерила Псковские и Ржевские места. Только в войну 1812 года они испытали некоторый страх перед вторжением Наполеоновских войск; но французские генералы, перейдя на правый берег Зап.

¹⁾ «Походный Журнал 1706—1709 гг.», 2-е издание (СПБ, 1911), под указанными месяцами и числами.

²⁾ «Русская Старина», 1872 г., декабрь (том VI), стр. 669. (Есть поводы думать, что в напечатанном здесь сборнике писем Петра В. текст подновлен). См. биографию Г. Г. Скорнякова-Писарева в «Русск. Биографич. Словаре».

Двины, не успели достигнуть верховий Ловати и Великой. На долю Пскова и Острова выпало служить главными складочными местами продовольствия для армии графа Витгенштейна. Усиление движение обозов к фронту под Полоцк; марш Петербургского ополчения туда же через Псковские пригороды¹⁾; экстренные повинности и работы; эвакуация раненых, больных и пленных из-под Полоцка—вот чем сказалась война для Ржевы и Вороноча: обычная картина тыла. Всего через пять лет после этой тревожной суеты Пушкин проводит лето в Михайловском вблизи Вороноча и застает там «мир и сон Тригорских нив», «приют спокойствия, трудов и вдохновенья»...

За XVIII и XIX века Вороноч и Ржева уже не имеют истории; это—захолустье. Из «Полного Собрания Законов» можно добыть данные только об административной их судьбе. Вороноч в 1719 году, с называнием «пригород», был приписан к уездному городу Опочке и вместе с нею состоял в Псковской провинции С.-Петербургской губернии; с 1727 года по 1772 вместе со Псковом и Опочкой он был приписан к Новгородской губернии, а затем возвращен

¹⁾ Первый отряд Петербургского ополчения проследовал в сентябре 1812 года от Острова в Опочку, позднее, через Вороноч. См. «С.-Петербургское ополчение 1812 года (графа А. А. Бобриńskiego и А. А. Миронова)», СПБ 1912, стр. 88 и карта к стр. 456.

в Псковскую губернию. Ржева Пустая после разорения Заволочья не имела «посада» (то-есть, уездного города) и разделяла судьбу Вороноча, состоя в Псковской провинции. В 1777 году в Оршанском стану на р. Сороти был образован новый уездный город Псковской губернии Новоржев и к нему приписаны известные нам волости («губы», «трети») старой Ржевы Пустой.

V

Закончим наш очерк двумя заметками о сюжетах, оставшихся для нас не вполне ясными.

Первая из этих заметок касается начала Свято-горского монастыря, которому довелось быть местом последнего упокоения А. С. Пушкина. В истории Вороноча, кроме реальных фактов, древними бытописателями отмечены и чудесные явления. Одно из них уже упомянуто выше: Витовт, пораженный необыкновенною грозою, в испуге пошел на мирные переговоры. Это было под Вороночем в 1426 году. Немного спустя, по рассказу летописца, «бысть знамение в Вороночи: от иконы святого Николы из левого ока, ие суха древа, истече кровь напрасно (то-есть, внезапно) на заутрени в Спас день». Из Пскова послали по икону «два попа, Ивана да Семена, и привезена бысть икона во Псков» (менее, чем через месяц после чуда,—29 августа); «и бысть страх велик крестианом о чудеси святого Николы». Что делали далее Псковичи с иконой, летописец не написал. Это чудо произошло в 1440 году. Под 1566 годом в летописи новая запись о чуде: «того же лета явися

в Вороначине на Синичьих горах на городище проща именем пречистые богородицы и многое множество прощение человеском всякими недуги начася». Это несколько неопределенное известие о какой-то чудесной целебной силе¹⁾ связывается с основанием на Синичьих горах монастыря во имя Успения бого-матери. По летописи возникновение монастыря следует отоснить к 1566 году, а по особой повести о начале монастыря—к 1569 году. Вопросом о начале монастыря на Синичьих горах, ставших после чуда «Святыми», обстоятельно занялся проф. Н. И. Серебрянский. Он рассмотрел весь относящийся к этой теме летописный и литературный материал, напечатанный по списку XVII века „Повесть о явлении чудотворных икон“ на Синичьи горе, «иже ныне зовома Святая гора», и отметил те хронологические несогласности, которые вкрадись в известия о начале монастыря²⁾. Сам Н. И. Серебрянский склонен принять год 1566, поставленный в летописи, и возражает

1) Повидному известие о чудесных исцелениях имеет связь с известием того же года о сильной эпидемии: «Тоеже осени был мор в Полоцку; ...а на весну прииде мор в Озерище; ...потом прииде мор на Луки и в Торонец и в Смоленско». «Много людей вызмерло» (говорят летописцы); «вымерло много, мало осталось» (Полное Собр. Р. Летописей, IV, стр. 317).

2) Н. И. Серебрянский. «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле» («Чтения в Моск. Общ. Ист. и Аревн.», 1908, книги III и IV, стр. 354—358 и 352—361).

против 1569 года, принятого историком Пскова митр. Евгением Болховитиным. Можно бы однако заметить, что за 1569 год говорит довольно твердое соображение. Читая «повесть», находим в ней указание, что известие о чудесах в Вороноче на Синичьей горе было послано в Москву Псковским воеводою князем Юрьем Токмаковым, и вследствие этого царь назначил «изыскание» о произшедшем, «повеле известно испытати». Когда же следователи засвидетельствовали, что в Вороночи действительно творятся чудеса, то Грозный «повеле на той горе устроити церковь камену во имя Пресвятые богородицы честного и славного ея Успения и повеле быти обители» (то-есть, монастырю)¹⁾. Здесь имеет важность имя Псковского воеводы князя Юрия Токмакова: можно точно установить, что он был воеводою во Пскове именно в 1569—1570 гг. Здесь он встречал Грозного в феврале 1570 года, когда царь пришел во Псков после Новгородского погрома; а ранее, в 1569 году, в январе, он освободил Изборск от литовских войск, которые захватили его обманом²⁾. В 1565—1567 годах воеводами

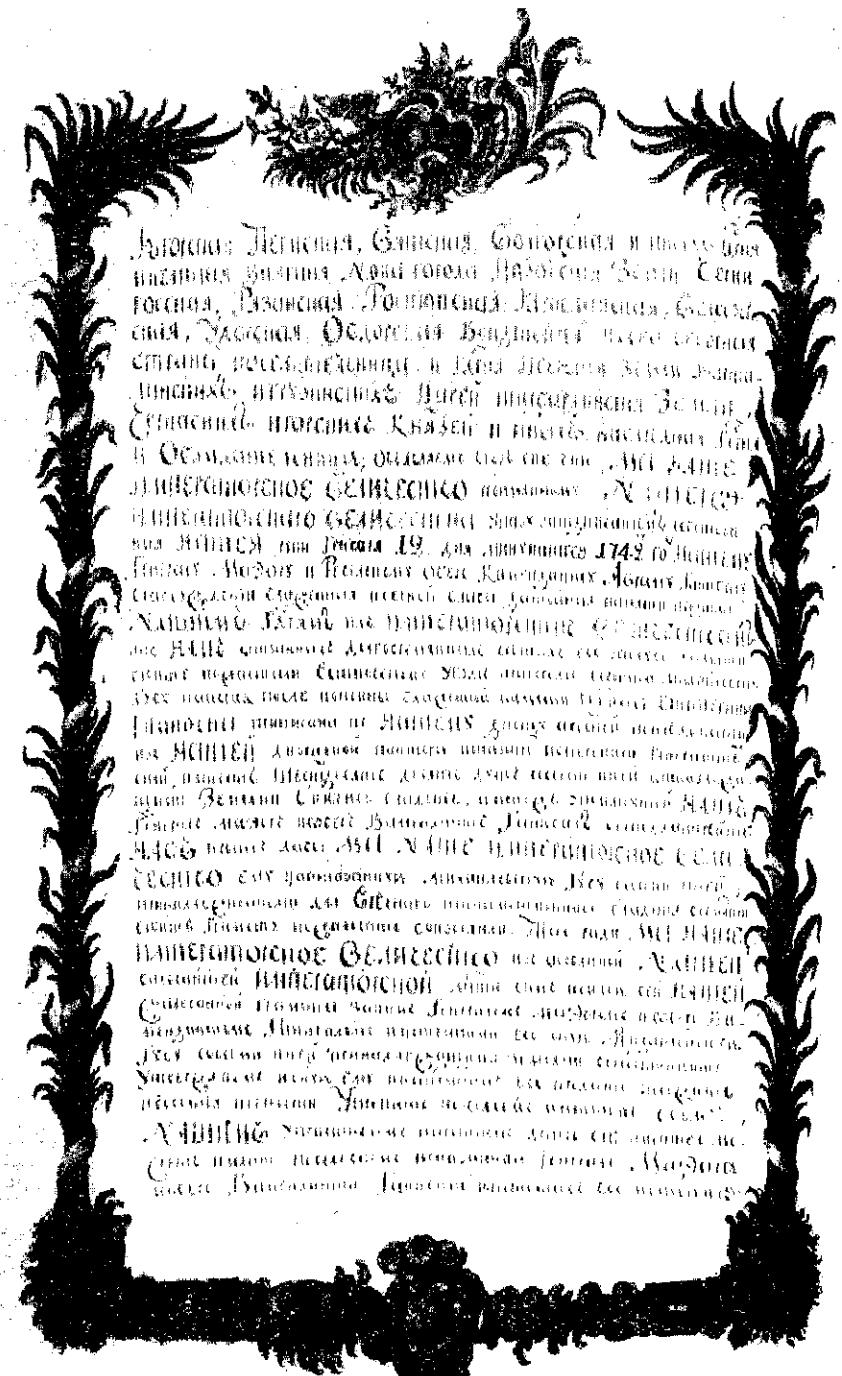
1) Там же, стр. 353 и 356.

2) Полное Собрание Русск. Летописей, т. IV, стр. 353. В этой летописи годы простояны неверно, и приход царя во Псков рассказал под 7077 (1568—1569) годом, но дни недели (воскресенье, 19 февраля) показаны по 1570 году.—Элизаде Изборском см. там-же, стр. 318: 11 января 1569 года «птица взяла Изборск» обманом; «и князь Юрий (Токмаков) отнять взял» (город от Литвы).

во Пскове были князь В. С. Серебряный, князь И. Канбаров, В. Бутурлин, князь Д. А. Куракин, Д. Г. Плещеев, по Токмакова не было. Он в эти годы был на службе в Озерищах и в Невеле¹⁾. Эти сопротивления и данные заставляют нас принять за начало существования монастыря 1569 год. Думаем также, что нет никакой нужды привлекать к решению данного вопроса известие Снегиревского списка Псковской летописи о том, что Иван Грозный «был в Новеграде одну ночь, на Вороночи был у Пречистые Богородицы на Синичьей горе, а третию ночь был у Пречистые Богородицы в Нечорах». Это известие летописцами помещается под 7055 (1546) годом, точнее—под 28 ноября (воскресенье) и 1 декабря (среда) 1546 года²⁾. Для того, чтобы объяснить, как мог Грозный в 1546 году посетить несуществовавший тогда Святогорский монастырь, ученые пытаются видеть в летописях ошибку в году и относят посещение Грозного к 7075 (1567) году. Но и в этом последнем году, как мы думаем, монастыря еще не было,

¹⁾ «Симбирский Сборник», стр. 14, 19.—Малюков. «Древнейшая Разрядная Книга», стр. 252, 253, 264.

²⁾ Полное Собрание Р. Летописей, т. IV, стр. 342; сравни 306—307. (В левом столбце 306 страницы ошибочно летописец поставил «декабря» вместо «ноября»). В 7055 году воскресенье («праздник») приходилось не на 28 декабря, а на 28 ноября, что правильно и показано в правом столбце на стр. 307 (на память преподобного мученика Стефана Нового).

да и Грозный во Псков не ездил. Ошибки в летописях действительно есть. В Снегиревском списке весь текст, приведенный выше, искажен и испорчен. Лучшие списки дают этот текст в таком виде: Грозный «во Пскове месяца ноября 28, в неделю, одну ночь почевав, и на другую ночь на Вороночи был, а третьюю ночь был у Пречистей в Печорах, паки во Пскове в среду»¹⁾. Здесь, во-первых, правильно указана первая ночь во Пскове, а не в Новгороде, откуда в один день на «вторую ночь» в Вороноч поспеть было невозможно; а во-вторых, совершенно не упоминается о Синичьей горе. Эта гора в Снегиревском списке появилась, очевидно, потому, что, когда он был писан (конец XVII века), города Вороноча уже не существовало, и для летописца самым заметным поселением сна Вороноче» был уже не город, а монастырь. Так упраздняется надобность в привлечении этого эпизода к вопросу о возникновении Святогорского монастыря, и точно устанавливается дата посещения Вороноча Иваном Грозным—29 ноября 1546 года.

1) Трудно понять смысл этой круговой поездки молодого царя Ивана: Псков, Вороноч, Печоры, Псков—в четыре дня. Если еще был смысл в посещении главного монастыря области, то не было особого смысла ехать в Вороноч: он тогда не представлял ничего примечательного. По поводу этой поездки летописец с явным осуждением записал: «бывъ великий все гоид на мсках (то-есть, мулах, клячах), а христианом много протор и волокиты учиници», ...«а не управив своей отчины ничего» (стр. 307).

Второй вопрос, не совсем ясный в истории Пушкинского уголка, это вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах земли Псковских пригородов и Пустой Ржевы попали «во дворец», то-есть вошли в состав дворцового хозяйства и в ведомство приказа Большого Дворца. При пожаловании Михайловской губы А. И. Ганнибалу в грамоте ему было означено, что земля эта была приписана ко «дворцу» после кончины царевны Екатерины Ивановны, которой она принадлежала, конечно, тоже по даче из «дворца»¹⁾. В указе Сенату 1762 года о Тригорском было сказано, что Максим Вындомский пожалован «из дворцовой Воронечской волости в Псковском уезде деревнями», прозвываемыми Егорьевская губа²⁾. Мы знаем что обе губы—и Михайловская и Егорьевская— входили в состав Вороночского уезда и, конечно, вместе с Вороночем были взяты «во дворец». Но

1) Царевна Екатерина Ивановна, средняя из пяти дочерей царя Иоанна Алексеевича, была замужем за герцогом Мекленбург-Шверинским Карлом-Леопольдом; умерла в 1733 году, в царствование ее сестры Анны Иоанновны. Грамота Ганнибалу от 6 февраля 1746 года хранится в Пушкином Доме. До Екатерины Ивановны Воронечскую волостью владела царевна Наталия Алексеевна, сестра Петра Великого. Царь в марте 1712 года отдал ей 139 дворов Псковской Воронечской волости «с положенными денежными и хлебными доходами» (Кабинет Петра В., Отд. II, № 92, л. 426—427).

2) Указ Сенату в «Сборнике Русск. Историч. Общества», т. XLII, стр. 477—478; также И. Н. Кашкина «Родословные Разведки», II, стр. 91.

когда? Относительно Ржевы можно догадываться, что она еще в Новгородскую пору, в XV веке, уже зависела от дворца Московских князей и входила в ведомство их «сокольничья пути». Выше мы видели, что во Ржеве до покорения Новгорода сидел сокольник великого князя и получал «великому князю Московскому рубль за два соколы, по полтине, коли не будет первом соколов, а коли будут первом соколы, ино два соколы». Именно поэтому в момент покорения Новгорода, в последних переговорах с Иваном III в 1477 году, новгородцы прежде всего предложили Ивану взять Ржеву («явили ему волостей Луки Великие да Ржеву Пустую»). Она и перешла в тот же год в полное заведывание московских наместников, на произвол и насилия которых жаловалась «запись о Ржевской дани», нам известная. Думается, что с тех пор Ржева и не теряла связи с приказом Большого Дворца. Что же касается Воронича, то о нем подобных сведений до XVII века нам не встретилось. Но указания на то, что в пределах Исковского края были «дворцовые деревни», идут не только от XVII века, но есть они и от конца XVI века. Так, например, уцелел отрывок писцовой книги 1585 года «Себежского уезду Никольской губы дворцовыми деревнями»¹). Тотчас после избрания новой династии,

¹⁾ О Ржеве в летописных сводах под 1478 годом. О писцовом отрывке в «Сборнике Моск. Архива Мин. Юстиции, т. V («Исков и его пригороды», I), стр. VII—VIII.

в 1613 году, в Москве стал вопрос о приведении в порядок дворцового землевладения, так как в Смуту дворцовые села и земли были незаконно расхищены ловкими людьми. Земский собор постановил «отписывать дворцовых сел пашенных и посопных¹⁾ и оброчных» от их временных захватчиков обратно во дворец, и для этой цели были «отпищики посланы» в разные уезды. Однако, в последующие годы нужда в помещении служилых людей на земельных участках, которые бы их обеспечивали, заставляла давать в «поместья» и дворцовую землю наравне с «черною» (то-есть, государственную). Вот этот процесс сначала редукции земель, а затем их новой раздачи в частные руки произвел волнение в Исковском крае. Исковичи очень им возмущались; они обвиняли «бояр» в том, что они «царские села себе поимаша» и что «села государевы розданы боярам в поместья, чем прежде кормили ратных», а вследствие этого уменьшились доходы царского дворца и потому тяжелее стали податные платежи для всех царских подданных. Исковские летописи страстно обсуждали тему о дворцовых селах—знак, что тогда в экономической жизни края дворцовое землевладение играло уже заметную роль²⁾. Акты XVII века, относящиеся ко

¹⁾ Полосные села—села, платящие подати не деньгами, а хлебом.

²⁾ Иоли. Собрание Р. Летописей, т. IV, стр. 332; т. V, стр. 64. С.Илларионов, «Статьи по русской истории», изд. 2-е, стр. 359—363.

Псковским пригородам, нередко упоминают по различным поводам о дворцовых селах. Так, например, в документах о ссоре дворцового дьяка Томилы Истомина, служившего во Пскове, с воеводою Псковским Л. Воейковым есть указание на то, что в 1634 году, после литовского набега, в Островском уезде «государевы дворцовые села и деревни не пожены и крестьяне все цели, не побиты и в полон не поиманы». Также благополучно обошлось в уездах Выборга и Врева, а в уезде Велья сожжены три деревни и убито три крестьянами. Хуже всего было в Воронежском уезде: сожжено 10 деревень, убито 19 крестьян и 8 человек уведено в плен. Все эти люди пострадали в самом Воронеже, куда они в то время были собраны по приказу дворцового дьяка «для посопного хлеба», чтобы наладить его доставку в Себеж и Невель. Для управления дворцовыми делами и селами в Псковском kraю был в 1631—1632 гг. образован Дворцовый Приказ, состав которого под начальством помянутого дьяка Томилы Истомина был образован из приказных людей Псковской воеводской канцелярии («приказной палаты»). Этот Приказ был подчинен Московскому Большому Дворцу, ведавшему дворцовые имущества в государстве, и в исходе XVII века в нем состояло около 20 человек подьячих. В других делах Псков и его пригороды находились в ведении Розрядного Приказа и Новгородской Чети. Выделение Псковских дворцовых сел в особое ведомство

указывает на то, что дворцовый земельный фонд здесь был весьма значителен. Но когда и как он образовался, в настоящее время без архивных изысканий ответить точно не можем¹⁾. Возможна лишь догадка, что в него поступили после опустошений Стефана Батория все те земли, которых владельцы исчезли из житейского оборота и которые лежали «в пусте» и бездоходно. Перепись 1585—1587 годов могла послужить удобным материалом, для того, чтобы определить, какие вымороочные имущества было возможно перевести «на государя» в его «дворец». Надо думать, что и «отшибки», посланные после Смуты, в первое время власти царя Михаила, для возвращения во «дворец» захваченных незаконно земель, отписывали от «захватчиков» на государя не только бывшие дворцовые села, но и все вообще имущества, на которые не было предъявлено законных прав.

1) «Сборник Моск. Архива Мин. Юстиции», т. VI («Псков и его пригороды», II), стр. 63—64; 70—71; 37—39; 280—281. О Розряде и Новгородской Чети см. по Указателю (под словом Приказы). — А. С. Лаппо-Данилевский, «Организация прямого обложения в Московском государстве» (СПБ, 1890, стр. 542—543).

VI

К облитой кровью многих поколений земле Ворончо и Ржевы можно применить слова И. А. Вяземского:

Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя се играют долей
Сыны, столетья и судьба.

Край был ареной борьбы несколько веков, пока не улегся в спокойной неволе у ног Московской власти, поселившей здесь своих дьяков—хозяев казенного хозяйства—и помещиков—бессрочных защитников границы и пограничных крепостей. Ганнибалы и Вынномские были не единственные семьи, которые получили земли в этом краю. Еще раньше, чем они, здесь уже были расселены служилые люди поместной и полковой службы. По годовой смете Исковских воевод 1693 года во Ржеве Пустой считалось около 100 человек дворян землевладельцев «полковой службы»: гусарского строю, копейщиков и рейтар. Среди них были такие коренные дворянские фамилии, как Сумороковы, Назимовы, Нееловы, Елагины, Кокошкины,

Дубровские, Бороздины, Горяниновы. К XVIII веку вся эта дворянская среда превратилась в крупных вотчинников, обладавших пашенной землей средним счетом по 400—300—200 десятина в одном поле, «а в двух по тому же»¹⁾. Земледельческое же население, наполнившее край после его замирения, обратилось в крепостных крестьян на дворянских землях. Оба класса—дворяне и крестьяне—в течение XVIII столетия прошли здесь, как и в остальной России, известный нам путь: первые—к обеспеченному и льготному существованию, вторые—к той степени гражданской зависимости, которая граничила с рабством. Пушкин принадлежал к первым: для него деревня была «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья», где после бесплодной суэты столиц он мог обрести свободу и блаженство творческого труда, где «творческие думы в душевной зрели глубине». Не рабочий хозяин и не скромный пахарь, Пушкин был очень далек от трудовой жизни деревни. Но он по времени рождения и по духу воспитания был уже противником крепостного рабства и сторонником передовых представителей русской интеллигенции начала XIX века. Он сочувствовал «измученным рабам» и мечтал дожить до «прекрасной зари просвещенной свободы» в его отечестве. Однако твердо усвоенные

¹⁾ «Сборник Моск. Архива Мин. Юстиции», т. VI («Псков и его пригороды», II), стр. 270—272.

поздом либеральные идеи не погребли в нем бытого, общепринятого отношения к низшим слоям местного населения. Не угнетая никого в своем Михайловском, он все же оставался там «барином» и соответственно трактовал «псковское хамство» — дворню, крестьян и сельское духовенство. В 1826 году (9 ноября) он, например, писал князю П. А. Вяземскому о своем приезде в Михайловское: «Ты знаешь, я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни, ей Богу, приятнее щекочет сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Иляя моя уморительна... Теперь у неё попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом»¹⁾. Душевное расположение, смешанное с долей благодушия презрения к непросвещенному «хамству», очень характерно для «господ», даже для наиболее просвещенных «господ» той эпохи. Такое настроение тоже есть момент в истории не только самого Пушкина, но и русской общественности вообще; оно характеризует известную эпоху в истории крепостного права, когда проснувшаяся совесть прежнего «барства дикого» еще не развилась в освободительную деятельность гуманных потомков этого барства. Чуткий Пушкин провидел рост этого «племени младого, незнакомого»... Но вряд ли он провидел ход событий, когда в своей

прекрасной элегии обращался к соснам «на границе владений дедовских»:

Пусть мой внук
Услышит ваши приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полн,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнят...

Межи владений дедовских стерты последним десятилетием русской жизни, и весь уклад Пушкинского времени вместе с его «внуками» исчез бесследно из Пушкинского уголка, став достоянием истории раньше, чем предполагал поэт.

23. IV. 1927.

¹⁾ «Сочинения Пушкина. Переписка под ред. Саптова», т. I (СПБ, 1900), стр. 382.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. «Пушкинский уголок»	7—15
II. Древнейшее время существования Рекины Пустой и Ворончая	15—26
III. Войны и смуты XV—XVII веков	27—41
IV. Позднейшее время	42—46
V. Вопрос о Святогорском монастыре. Вопрос о вре- мени поступления Ворончая и Тригорского в дворцовое ведомство	47—57
VI. Заключение	58—61

Иллюстрации:

1. Река Сореть	9
2. Сельдо Михайловское при Пушкине	12
3. Озеро Малое	33
4. Грамота Авраму Ганибалау	51